

ДОМИНИК ГИЙО
ЛЮДИ
И СОБАКИ

Интеллектуальная история

Доминик Гийо
Люди и собаки

«НЛО»

2009

Гийо Д.

Люди и собаки / Д. Гийо — «НЛО», 2009 — (Интеллектуальная история)

Книга французского исследователя посвящена взаимоотношениям человека и собаки. По мнению автора, собака – животное уникальное, ее изучение зачастую может дать гораздо больше знаний о человеке, нежели научные изыскания в области дисциплин сугубо гуманитарных. Автор проблематизирует целый ряд вопросов, ответы на которые привычно кажутся само собой разумеющимися: особенности эволюционного происхождения вида, стратегии одомашнивания и/или самостоятельная адаптация собаки к условиям жизни в одной нише с человеком и т. д. По мнению ученого, именно *Canis familiaris* с «экологической» точки зрения является для нас самым близким существом. Книга получила в 2009 году Гран-при Морон, награду, присуждаемую «французскому автору за труд или произведение, способствующее продвижению свежих этических идей». Доминик Гийо – социолог, антрополог, специалист по истории науки, директор исследовательского центра Жака Берка в Рабате.

© Гийо Д., 2009

© НЛО, 2009

Содержание

Предисловие	5
Введение	7
Загадочное увлечение	9
Собачьи пакости	10
Не более чем собаки: тезис о собаке-иллюзии	13
Философия: пропасть между человеком и животным	15
Гуманитарные науки: природа и культура	17
Этология: призрак антропоморфизма	18
Связь, древняя как мир	19
Неужели они настолько умны, чтобы нас одурачить?	21
Открыты новые горизонты	23
Глава 1	25
Эволюционное происхождение собак	25
Между человеком и волком	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Доминик Гийо

Люди и собаки

Предисловие

В основании этой книги лежит твердая уверенность автора в том, что собака для человека – животное совершенно особенное. Начать с того, что у меня самого есть собака и поэтому для того, чтобы в процессе повествования оставаться объективным и беспристрастным, стараясь избежать сентиментальности, восторгов и пустых похвал, мне приходилось соблюдать особую осторожность. Сам факт присутствия рядом с тобой верного четвероногого друга внушает умиление и восхищение, так что всегда есть опасность, что собака начнет интересоваться тобой скорее как хозяина, чем как ученого или философа.

Однако результаты исследования превзошли все мои ожидания. Действительно, собака для человека – животное уникальное, и ее изучение зачастую может дать гораздо больше знаний о нас самих, чем все научные изыскания в области дисциплин более «гуманитарных».

Именно поэтому книга посвящена собаке. Разумеется, рядом с нами обитает множество других животных: вспомнить хотя бы о кошках или, к примеру, о золотых рыбках – представителей этих двух видов можно встретить во французских домах гораздо чаще, чем собак. Речь пойдет о собаке потому, что собака всегда и везде была рядом с человеком, в любом человеческом обществе; она помогала человеку во всех его делах, ну, или почти во всех. Это вовсе не означает, что компания кошки для нас менее комфортна или же что кошка представляет для нас меньший интерес. Я ни в коей мере не хотел бы возобновлять или подогревать «конфликт культур» (Heran, 1988) между любителями кошек и собак. Просто кошки начали радовать нас своим присутствием и повсюду совать свой любопытный нос в наши дома сравнительно недавно; они связаны с нами на протяжении лишь нескольких культурно-исторических периодов; каких-то особых биологических механизмов адаптации к условиям совместного обитания с человеком у них не появилось; а по сравнению с собаками свойственные им функции и виды деятельности в наших домах гораздо менее разнообразны.

Цели этой работы никак не связаны со стремлением вызвать любовь к собаке – и уж тем более неприязнь к ней! Не входили в наши планы и попытки собак защищать или отстаивать их права. Что ни говори, это было бы слишком самонадеянно. У нас еще будет возможность убедиться, что в этом отношении собаки не слишком нуждаются в помощи: они прекрасно умеют находить к нам подход. Работа преследовала прежде всего научные цели, а именно определение круга вопросов, проблематика которых выходит далеко за пределы простого знания нравов и психологии лучшего друга человека, – хотя и этого было бы уже немало.

Таким образом, книга может восприниматься на трех уровнях.

Прежде всего, она будет интересна тем, кто хотел бы пополнить свои знания о собаках: об их происхождении, психологии, особенностях восприятия окружающего мира и способах взаимодействия с нами. Откуда они появились? Как они представляют нас? Понимают ли они наш язык? Каким они видят мир – черно-белым или цветным? Как объяснить их агрессивность?

Кроме того, книга адресована людям, стремящимся понять природу той мистической связи, которая возникает между человеком и его домашним животным-компаньоном. Собака здесь может выступить в роли официального представителя, выражающего – хотя она и не умеет разговаривать – мнение всех животных, с которыми у хозяев домашних питомцев складываются отношения, странные и непонятные всем тем, у кого в доме животных нет. Нормально ли это – разговаривать со своей собакой? Правомерно ли полагать, что в эмо-

циональном плане собака заменяет нам ребенка, супруга или покойного друга? Можно ли воспринимать любовь к собаке как отказ от любви к людям?

И, наконец, в этой работе затрагиваются некоторые вопросы, традиционные для гуманитарных наук. Изучение собаки размывает границы между культурой и природой, доселе казавшиеся незыблемыми. Эти животные обладают выраженной индивидуальностью – пусть даже и отличной от нашей, – и отношения, возникающие между нами и собаками, действительно можно назвать социальными. Изучение способов взаимодействия с собаками указывает нам путь, позволяющий по-новому взглянуть внутрь нас самих и выявить скрытые в глубинах нашей психологии черты, ответственные за социабельность, определяющие возможности общения или причины взаимного непонимания с существами, настолько не похожими на нас.

Для решения подобного рода задач нужно было собрать весь имеющийся на сегодняшний день – исключительно обширный – материал. Одна из последних обобщающих работ, посвященных собакам, «Dog: Behaviour, Evolution, and Cognition» («Собака: поведение, эволюция, когнитивные способности»), написанная Адамом Миклоши (Miklosi, 2007), стала для меня настоящим кладом подробной информации, касающейся гипотез и дебатов в области этологии собак, а приведенная в работе библиография, которая представляет исчерпывающий перечень научных статей по данной тематике, значительно упростила поиск необходимого материала. Читатель, желающий углубить свои знания в области эволюции собак и их поведенческих реакций, с большой для себя пользой может обратиться к этой замечательной книге. Кроме того, можно порекомендовать еще одну книгу, пусть не настолько полную и академически точную, но, тем не менее, очень увлекательную и в чем-то даже революционную. Речь идет о работе Стефана Будянски, «The Truth about Dogs» («Правда о собаках») (Budiansky, 2002), которая была мне особенно полезна в том, что касается вопросов одомашнивания собак и способов общения с ними.

Я хотел бы поблагодарить Софи Банкар, Жан-Мишеля Беснье, Катрин Корню, Алис Довернь, Себастьяна Гандона, Жилия Авара, Пьера Меркле, Сильви Мезюр, Паскаля Северака и Марьон Викар за их конструктивные и исключительно ценные для меня замечания к первому варианту текста. Я не стану благодарить мою собаку Вегу: это было бы слишком бестактным по отношению к людям... а в силу причин, которые, я надеюсь, станут очевидными по прочтении этих страниц, и вовсе непонятным для собаки способом выражения благодарности.

Введение

То удивительное очарование, которым обладают в глазах некоторых людей их четвероногие друзья, не может не показаться непостижимой тайной тем, кто особой нежности к собакам не испытывает. И даже счастливые владельцы одного из представителей *Canis familiaris* вынуждены признаться, что зачастую они сами становятся свидетелями зрелища неожиданного, чтобы не сказать странного. Множество собак – в том числе и моя, не буду этого скрывать – целыми днями томно возлежат на диване. Будто утомленный праздностью король, ваш пес лишь тяжело вздохнет, если вы посмеете его побеспокоить. Они получают еду, не прилагая для этого ни малейших усилий, настойчиво требуют, чтобы их вывели на прогулку, облаивают ваших друзей, когда те имеют нахальство появиться у вашего порога: причем все эти бесчинства творятся с таким невозмутимым видом, что ответ на вопрос, кто, собственно, в доме хозяин, уже не кажется столь уж очевидным. Рассерженные владельцы собак тут же сдаются, увидев, как их умоляют о пощаде – голова опущена, взгляд... собственно, он и называется у нас взглядом побитой собаки. С собаками разговаривают, перед ними извиняются, случайно наступив им на лапу. Их хоронят: есть кладбища, – как, например, в Аньере, – предназначенные специально для наших верных четвероногих друзей. Об умерших собаках плачут, и скорбь по ним сопоставима со скорбью от потери близкого человека.

В последние десятилетия в развитых странах эксцентричность владельцев собак достигла, кажется, наивысшего уровня. Некоторые собаки теперь имеют собственный гардероб и украшения, их шерсть подстрижена и причесана особым образом, они носят банты и ленты подобно наряженным пуделям, служившим некогда живыми игрушками для почтенных дам. Множество телевизионных передач, посвященных животным-компаньонам, или телетренинги типа «Мой пес мной командует. Что делать?» лишь подтверждают очевидный факт: большинство собак сегодня окружены такой нежностью и заботой, какими их хозяева не удостаивают даже самых близких своих родственников.

Это явление выходит далеко за пределы Франции. По всей Европе собаки, наряду со своими хозяевами и хозяйками, представляют аналогичное зрелище, причем уже не первое десятилетие. То же самое происходит и в других странах мира. Приведу лишь один пример. Совсем недавно в Новой Зеландии настоящим бестселлером стал диск, выпущенный специально для собак, с музыкой, предназначенной лишь для собачьих – а не человеческих – ушей. Однако пальма первенства в этой области принадлежит, несомненно, Соединенным Штатам: не менее 75 миллионов собак, живущих на данный момент в домах американцев, становятся объектом нежной заботы и почитания, граничащего с культом. Этот факт подтверждается феноменальным зрительским успехом собак-героев телевизионных и кинофильмов – Рин Тин Тина, Лесси¹ и прочих Бетховенов.

Можно ли считать этот феномен отличительной чертой Запада? Принимая во внимание значительную разницу в отношении к природе и животным в различных культурах, логично было бы допустить, что так оно и есть. В разные времена сакральными и табуированными считались самые разнообразные животные. Взять хотя бы корову, свинью или кошку, которая, к слову сказать, еще совсем недавно воспринималась во французских деревнях как животное недоброе и даже зловредное. Преодолевая культурные границы, увлечение домашними животными вообще и собаками в частности получило и чисто географическое распространение. Так, в Японии с недавнего времени оно достигло невиданных размахов. С начала 2000-х годов эта

¹ У Лесси и Рин Тин Тина есть собственные звезды, которые в числе 2000 прочих украшают знаменитую Walk of Fame, Аллею звезд в Голливуде.

страна переживает настоящий pet-boom: по данным Pet Food Association², сейчас в Японии насчитывается порядка 11 миллионов домашних животных, и их количество ежегодно увеличивается на 2,4 %, в то время как прирост населения составляет не более 0,1 % в год. Начиная с 2003 года количество домашних питомцев на островах архипелага превышает численность детей младше 15 лет. Японцы, которые по соображениям сугубо материального порядка не могут позволить себе держать в доме собаку, имеют возможность без особого труда... взять ее в аренду. Так, например, Puppy The World, один из 115 пунктов аренды собак, открытых на сегодняшний день в Токио, предлагает арендовать четвероногого друга всего за 12 евро в час. Особым спросом пользуются собаки небольших размеров – пудели или чихуа-хуа.

Еще больше в этом плане удивляет Китай, охваченный сегодня той же страстью. Конечно, эта страна и сейчас остается мировым лидером в потреблении собачьего мяса: его можно купить в супермаркетах, встретить в меню многочисленных ресторанов приготовленным по самым разнообразным рецептам. Особенно это явление характерно для юга и северо-востока страны, то есть регионов проживания китайцев корейского происхождения. Кроме того, вплоть до 1995 года содержание собак в Пекине было запрещено вовсе. Таким образом, можно говорить о том, что в Китае увлечение домашними питомцами начало распространяться совсем недавно, но при этом уже успело достичь значительного размаха. А в последние годы в китайской столице произошел буквально взрыв численности собак-компаньонов – чаще всего это, безусловно, пекинесы, но есть и пинчеры, и карликовые шнауцеры, и небольшие пудели. Несмотря на то что владельцы собак вынуждены платить налог – хотя размеры его из года в год уменьшаются, – сегодня в городском Комитете общественной безопасности зарегистрировано порядка 700 000 собак. А если к ним прибавить еще и неучтенных, получится более миллиона собак, живущих сегодня в Пекине. Как и следовало ожидать, распространение подобного увлечения сопровождается изменениями в отношении к домашним животным: появляются общества по их защите; рынок лекарственных средств, питания, предметов ухода и аксессуаров для собак переживает головокружительный рост. Вместе с тем потребление собачьего мяса, по видимому, имеет тенденцию к уменьшению.

Подобные изменения происходят сейчас и в некоторых странах Магриба, несмотря на то что многие века собака пользовалась здесь дурной репутацией. Например, в Марокко в среде зажиточного среднего класса крупных городов все чаще можно увидеть собак-компаньонов, окруженных нежной заботой любящих хозяек. Как правило, это собаки небольшого размера, такие как йоркшир.

Одним словом, все указывает на то, что самые различные – во многих отношениях – общества, во всяком случае в экономически развитых или активно развивающихся странах, буквально захвачены страстным увлечением животными-компаньонами вообще и собаками в частности.

² Ассоциация производителей кормов для домашних животных. (Прим. пер.)

Загадочное увлечение

Увлечение домашними животными покажется еще более странным явлением, если задуматься о революционных изменениях в культуре, которые сопровождали экономический подъем и индустриализацию, начавшиеся в XIX веке. Вызывает удивление сам факт, что в обществе холодного рационализма и индивидуализма, практически равнодушном к страданиям других людей, в обществе, одержимом идеей автоматизации и механизации всего и вся, жаждущем скорейшего безжалостного покорения природы невзирая на возможные последствия, – так вот, в этом же самом обществе нежная забота о живых созданиях, не принадлежащих к человеческому роду, становится чрезвычайно распространенным явлением. Как объяснить, что люди индустриального века, склонные считать, что окружающий мир бездушен и полон разочарований, что он лишен тех ярких красок, которые когда-то радовали глаз и вызывали воодушевление, – именно эти люди с готовностью адресуют свои самые сокровенные чувства, мысли и стремления обычным животным, выстраивают с ними сложные отношения, эмоционально весьма насыщенные и исполненные смысла?

Можно сказать, что животные-компаньоны, и прежде всего собаки, достигли невероятного успеха. Начиная с XIX века развитие гигиены, механизация работ, прежде выполняемых домашними животными, вдобавок к растущему беспокойству относительно проявлений жестокости в обращении со скотом, привели к осязательному сокращению количества домашних животных всех видов и мастей, которые доселе переполняли публичное пространство, и в особенности улицы городов, где буквально на каждом шагу прохожий наталкивался на какое-либо животное – или на его труп. Публичные зрелища с использованием зверей стали подчиняться все более и более строгим правилам, места для забоя скота были вынесены на окраины. Автомобили понемногу заменяли как лошадей, так и собак, которые вплоть до XX века использовались в Париже не только для перевозки грузов, но и даже в качестве такси. Бродячие животные сделались объектом преследования со стороны служб санитарного контроля. Как же собаки и некоторые другие виды, к примеру кошки, отреагировали на эти настойчивые попытки человека вытеснить их за пределы публичного пространства? Они попросту обратили эту тенденцию себе на пользу и ринулись завоевывать пространство личное, человеческий дом, куда еще век назад путь им был практически заказан. По идее, индустриальное общество с присущими ему строгими гигиеническими нормами должно было приложить максимум усилий к тому, чтобы отогнать животное подальше от человека. Как бы не так! Приходится констатировать, что в конечном счете собака попросту воспользовалась этим случаем для того, чтобы сблизиться с человеком сильнее прежнего.

Объясняется ли подобный успех теми многочисленными функциями, которые *Canis familiaris* исполняет на службе у человека? Собака-поводырь, собака-пастух, полицейская собака-ищейка, натасканная на взрывчатку и наркотики, сторожевая собака, охотничья собака и т. д. С помощью лучшего своего друга человек привык решать неисчислимое количество практических задач. Однако одной лишь пользой, которую собака приносит человеку, вряд ли можно объяснить тот факт, что в современном мире она занимает совершенно особое место. Собаки-труженики представляют лишь очень незначительную часть от общей массы собак, живущих рядом с человеком. Кроме того, при ближайшем рассмотрении этого феномена становится очевидным, что современное увлечение собаками – явление сложное и загадочное и не может объясняться исключительно соображениями выгоды. Даже рискуя влиться в общий хор противников собак, приходится признать, что содержание наших четвероногих друзей обходится нынче очень дорого, причем не только для их владельцев, но и для человеческого сообщества в целом.

Собачьи пакости

Наиболее очевидной проблемой, связанной с нашими верными друзьями, безусловно можно назвать травмы, вызванные укусами собак. В последние годы собаки стали кусать нас чаще, чем прежде, и в большинстве индустриальных стран собачьи укусы уже превращаются в серьезную медицинскую проблему. Применяемый в специальной литературе термин «эпидемия» лишний раз подчеркивает тот угрожающий размах, который, по мнению санитарных властей многих стран, принимает это явление. В Соединенных Штатах, по данным исследований, проведенных Centers for Disease Control and Prevention (Центрами по контролю и профилактике заболеваний США), не менее 4,7 миллиона человек ежегодно, то есть 2 % населения, страдают от укусов собак. В 368 000 случаев нанесенные собаками травмы настолько серьезны, что пострадавшие обращаются в службу скорой помощи, и чуть более трети из этого числа не удается спасти. Иными словами, каждый год один из пятидесяти американцев рискует погибнуть от укусов собаки. Французы подвергаются не меньшему риску: по данным медицинской статистики, каждый год двое из ста жителей Франции обращаются к врачу в связи с укусом собаки. В реальности же число пострадавших может быть еще выше, поскольку зачастую жертвами нападений становятся сами владельцы собак или члены их семей и далеко не все из них считают рану достаточно опасной, чтобы обращаться за медицинской помощью. Еще одна показательная цифра: во Франции от 0,5 до 1 % всех случаев, требующих экстренного медицинского вмешательства, связано с укусами собак.

Помимо физических и психологических травм, вызванных укусами, пострадавшие несут и значительные финансовые потери. По данным Центров по контролю и профилактике заболеваний, в 1990-х годах в США лечение последствий укусов стоило ни много ни мало 164 миллиона долларов ежегодно. Институт страховой информации подтверждает, что в последние несколько лет жертвы нападений собак тратили на лечение миллиард долларов ежегодно, при этом потери страховых компаний за счет выплат компенсаций составляли чуть более 300 миллионов долларов в год.

Менее травмоопасным, но отнюдь не менее затратным представляется другое явление, связанное с собаками, которое сегодня становится настоящей головной болью для муниципалитетов больших и малых городов в развитых странах. Речь идет, разумеется, о собачьих экскрементах. Кроме выраженного недовольства значительной части горожан – кто из нас не слышал проклятий возмущенных прохожих в адрес владельцев собак: взгляд прикован к колесу детской коляски или подошве ботинка, испачканным собачьими экскрементами, – эта проблема связана еще и со значительными финансовыми затратами. В работе, посвященной собакам, Стефан Будянски приводит несколько образных сравнений, дающих наглядное представление о масштабе проблемы. Каждый год, пишет он, на улицах американских городов оказывается порядка 2 миллионов тонн собачьего помета. Можно представить, в какую сумму обходится сбор и утилизация такого количества экскрементов, если учесть, что, например, ежегодное производство алюминия в Соединенных Штатах составляет 3 миллиона тонн, а хлопка – 4 миллиона. Кроме того, ежегодно в американских городах на асфальт и газоны парков выливается не менее 15 миллиардов литров собачьей мочи, то есть ровно столько же, сколько за год производится вина в самих Соединенных Штатах, если прибавить к ним еще и Францию, и Италию с Испанией (Budiansky, 2002, p. 8 – 9).

Не менее остро эта проблема стоит и в других странах. Париж, до недавнего времени оснащенный знаменитыми мотокроттами, ныне практически забытыми, уже долгие годы пытается бороться с этим неприятным продуктом собачьей жизнедеятельности. По данным мэрии, 147 000 собак, зарегистрированных во французской столице, ежедневно оставляют на мостовых 12 тонн экскрементов, утилизация которых обходится казне в 11 миллионов евро в год,

что составляет 1,5 % всего городского бюджета. Не говоря уж о том, что ежегодно в Париже происходит порядка 650 несчастных случаев с прохожими, поскользнувшимися на собачьем помете. Короче говоря, наши верные друзья щедро одаривают нас не только лаской, но, увы, и органикой.

Таким образом, массовое распространение собак в городах осложняет общую гигиеническую ситуацию и вызывает обеспокоенность санитарных властей практически всех стран. По данным Будянски, собаки могут служить переносчиками не менее шестидесяти пяти заболеваний, передающихся человеку, таких как бешенство, туберкулез, гистоплазмоз и разного рода лихорадки. В развивающихся странах эта проблема стоит настолько остро, что вынуждает власти принимать строгие ограничительные меры. Не так давно в Пекине была объявлена политика «одной собаки»: в доме разрешено держать только одного четвероногого друга, рост которого не должен превышать 35 см. При этом для исполнения этого решения зачастую применяются радикальные и крайне жесткие меры: в течение лета 2006 года в провинции Юньнань власти уничтожили 50 000 бродячих собак.

Вполне ощутимые проблемы собаки создают и непосредственно для своих хозяев. Речь идет прежде всего о цене: покупка собачьего корма и оплата услуг ветеринара составляют значительную и весьма распространенную статью расхода. Во Франции в начале 1990-х эта часть семейного бюджета превышала расходы на транспорт и составляла около 2000 франков в год. С тех пор эта сумма только растет. Другой пример – Квебек, где 78 % владельцев собак в течение 2005 года хотя бы один раз обратились к ветеринару, в то время как число обратившихся за медицинской консультацией в том же году составило 76 % от всего населения старше 12-летнего возраста. Подсчитано, что последние несколько лет американские собаки за год съедают такое же количество пищи, что и все население большого Лос-Анджелеса, на общую сумму, приближающуюся к 5 миллиардам долларов. При этом следует отметить, что собачий корм стоит отнюдь не дешево! С грустью приходится признать: во французских супермаркетах цена корма для собак нередко превышает цену на недорогое мясо, предназначенное для людей.

В сфере медицинских услуг складывается аналогичная ситуация: владельцы домашних животных вообще и собак в частности проявляют все большую готовность оплачивать, невзирая на цены, лечение или облегчение страданий своих верных друзей. В 2006 году в Соединенных Штатах было истрачено 10 миллиардов долларов на оплату ветеринарной помощи и еще столько же на медикаменты. Сфера ветеринарных товаров и услуг процветает, и идеологи этого бизнеса используют любые возможности для его расширения, играя на нежных чувствах хозяев к своим любимцам и даже на их угрызениях совести: не только химиотерапия, офтальмология, хирургия или лечение артроза у собак переживают настоящий взлет, но и собачья гомеопатия и иглотерапия развиваются параллельно с теми же направлениями традиционной «человеческой» медицины. В последние годы получил широкое распространение новый метод, уже успевший превратиться в полноценную ветеринарную специальность, а именно так называемая «поведенческая» терапия, направленная на коррекцию психических и реляционных нарушений у собак. Я вовсе не собираюсь отрицать, что подобная терапия способна помочь животным, моя цель состоит в том, чтобы подчеркнуть социологический факт: люди готовы платить все больше и больше, чтобы обеспечить своей собаке благополучное существование.

К этому и без того длинному списку неприятностей, доставляемых нам собаками, можно было бы добавить и те, с которыми сами владельцы собак сталкиваются практически ежедневно: собачьи экскременты и моча в доме, отрывка, погрызенные ботинки, разорванные книги и журналы, испорченная мебель, отвратительный запах, разбросанный по всему дому корм, какая-то гадость, в которой на прогулке извалялась ваша собака, собачья шерсть на полу, демонстрация агрессии, беспричинный лай и т. д. Добавим к этому вопрос: что делать с собакой, отправляясь в поездку, особенно за границу?

Короче говоря, люди, которые терпеть не могут собак, имеют все основания с интонацией не то удрученной, не то укоризненной напоминать вам всякий раз, когда ваш верный Титус или преданная Риа к ним приблизится: «Это животное грязное, оно роется в мусорных баках, оно стоит дорого и не приносит ничего, кроме неприятностей и хлопот. Держать в доме собаку – безумие!» При этом сам владелец собаки должен считать, что легко отделался, если дело не дойдет до моральных сентенций вроде: «Надо же, какая забота о животном, когда столько людей умирает от голода...»

Не более чем собаки: тезис о собаке-иллюзии

Как же объяснить повальное увлечение животными-компаньонами вообще и собаками в частности? Одно из объяснений этого феномена, наиболее распространенное среди людей, к собакам равнодушных или питающих к ним неприязнь, состоит в том, что страсть к животным-компаньонам представляет собой не что иное, как иллюзорную антропоморфическую³ проекцию, следствие эмоционального и коммуникативного дефицита, которые имеют место в современном обществе. Иными словами, в компании собак, равно как и кошек, канареек или черепах, мы ищем общения, пусть случайного и суррогатного, чтобы заполнить пустоту от нехватки прочных и продолжительных отношений с близкими людьми: детьми, родителями, супругами, друзьями и т. д.

Подобное объяснение, которое для простоты можно назвать тезисом о собаке-иллюзии, достойно детального рассмотрения хотя бы потому, что в основе своей оно содержит три базовых представления о животном, которые до недавних пор господствовали в философии, а также в гуманитарных и естественных науках. Речь идет о следующих идеях, против которых будет направлена вся аргументация в этой работе:

Тезис о собаке-иллюзии, прежде всего, предполагает, что животное следует рассматривать лишь в качестве объекта, своего рода вещи, то есть существа, лишенного какой бы то ни было субъектности. Действительно, если животное в какой-то мере представляет собой субъект, то отношения, которые мы с ним выстраиваем, не могут быть целиком и полностью иллюзорными. Они хотя бы отчасти должны быть реальными, даже если мы и ошибаемся относительно каких-то частных деталей.

Следующая идея состоит в том, что объяснение феномену привязанности человека к собаке следует искать исключительно в рамках психики собственно человеческой, в нашем неудержимом стремлении приписывать некие психические качества всем и вся – не только животным, но и растениям, а также божествам, духам, обитающим в священных горах, предметам-фетишам, облакам и т. д. Если это действительно так и человек всего лишь проецирует свои чувства на самые разнообразные существа, а сами эти чувства иллюзорны – следует заключить, что качества, присущие животному, на котором человек останавливает свой выбор, не оказывают или почти не оказывают никакого влияния на его отношение к этому животному. Соответственно, собака низводится до уровня одного из множества других пассивных реципиентов навязчивых человеческих устремлений. С этой точки зрения, собака не может обладать какими-либо особыми качествами, благодаря которым она могла бы стоять особняком среди других живых существ и отличалась бы в глазах человека от пихты, коровы или даже кошки. Что же касается самой собаки, то в ней также нет ничего или почти ничего, что каким-то особым образом связывало бы ее с человеком, с его наклонностями, вкусами или социальными навыками.

И наконец, в соответствии с этим тезисом, прочная социальная связь между человеком и собакой – не более чем забавный эпизод человеческой истории, явление во многом случайное, вызванное к жизни и получившее развитие исключительно в современном индустриальном обществе. И если это иллюзия, порожденная дефицитом общения, ставшим характерной чертой современного общества, нет никаких причин полагать, что подобная связь может иметь

³ Это слово довольно часто будет встречаться на страницах этой книги. Здесь оно означает стремление приписывать существам, не принадлежащим к человеческому роду, психологические черты, присущие человеку. Следует отличать антропоморфизм от антропоцентризма, обозначающего представления о человеке как о существе внеприродном, обладающем свойствами, которые позволяют ему возвышаться над другими существами или располагаться в центре мирового сообщества живых существ.

глубокие исторические корни или сколько-нибудь широкое распространение в других культурах.

Короче говоря, согласно тезису о собаке-иллюзии, собака – это животное, лишенное какой бы то ни было субъектности, всего лишь одно среди множества других, и его изучение не может представлять для нас особого интереса; близкие отношения этого животного с человеком – явление скорее анекдотическое, из ряда вон выходящее, связанное исключительно с новейшим периодом истории человека. Отсюда неизбежно следует вывод о том, что существуют гораздо более показательные, поучительные и необходимые объекты для исследования, чем собака.

Философия: пропасть между человеком и животным

Если не углубляться в сложные исторические коллизии и выражаться простым языком, то можно сказать, что за некоторым исключением подобное представление о животном очень долго занимало господствующие позиции в философии. Во всяком случае, начиная с Декарта философия в целом была пронизана идеей о глубокой и непреодолимой пропасти, отделяющей человека от других живых существ. Признавалось, конечно, что тело животного функционирует согласно тем же биологическим принципам, что и тело человека. С этой точки зрения человек отличается от животного лишь сложностью строения и организации своего тела, во многом сходного с телом животного. К этому положению между тем добавляли, что качества человека и животных, определяемые материальной основой, имеют несколько существенных различий. Перечень различий варьируется у разных философов и в разные времена, однако базируется всегда на одном и том же принципе, а именно отсутствию у животных неких качеств, присущих человеку: одни называют отсутствие свободы воли, другие сознания, а еще мышления, языка, психических состояний, веры, желаний, намерений и т. д. Из всего этого многообразия аргументов вытекает приблизительно следующее: психологически ограниченное, управляемое лишь инстинктами, не владеющее сложными мыслительными способностями, лишенное языка животное не обладает качествами, позволяющими признать в нем полноправный субъект. Самое большее, с чем еще можно согласиться, – так это со способностью животного испытывать ощущения.

Подобное представление о живых существах и разуме определяет наше восприятие животных, характер наших с ними взаимоотношений, а также тот спектр прав, которые мы себе приписываем в отношении животных. То есть, если животное устроено именно так, оно должно быть классифицировано как вещь. Оно есть предмет. Оно покидает мир субъектов и становится простым объектом. В таком случае приписываемые животному эмоции и психические проявления – не более чем иллюзия, продукт стремления человека повсюду отыскивать наличие разума, подобного его собственному.

Вымышленный диалог, приведенный в сочинении одного из учеников Декарта, наилучшим образом иллюстрирует подобные воззрения.

– Итак, вы не должны преподносить мне как данность эмоции, которые вы заметили у зверя, – ни радость, которую вы приписываете собаке, когда вы ее ласкаете, ни гнев, ни какие-либо другие чувства, что вы присваиваете ей в других случаях. Поскольку все это неосознано и никак не воспринимается нашими органами чувств.

– Но я не думаю, что собака могла бы потянуться за предложенным ей куском хлеба и в то же время отвергнуть протянутый ей камень, если бы не имела на сей счет определенных знаний.

– Вам не стоило употреблять это слово – «отвергать», правильнее было бы сказать «не двигалась по направлению к камню». Ведь вы не думаете, что кусок железа притягивается к магниту и не движется к протянутому булыжнику, потому что обладает какими-либо знаниями?

– Но что вы скажете относительно визга, который издает собака, когда ее бьют? Не свидетельствует ли он о том, что она, как минимум, испытывает боль?

– Нет, мсье. Когда касаются определенных деталей органа, он издает гораздо более громкие звуки, чем собака, если ее бьют, однако это не означает, что органу больно.

Жак Рюо, Беседы о философии, 1674

(Jacques Rohault, Entretiens sur la philosophie, 1674)

в кн. *Jean-Luc Renck, Véronique Servais, 2002, p. 268 – 269*

Гуманитарные науки: природа и культура

Похожее представление о мире животных господствовало и в гуманитарных науках. По мнению большинства антропологов, социологов и психологов, разум животного настолько отличается от разума человека, что изучение первого не может дать ключ к пониманию природы и законов функционирования второго. В соответствии с этим мнением животное механически управляется изнутри, полностью подчиняясь своим инстинктам, которые передаются потомству и сохраняются с течением времени посредством механизмов биологической наследственности. Человек же, напротив, целиком зависит от внешних институтов, функционирующих и передающихся из поколения в поколение благодаря культурной преемственности, которая, в свою очередь, может быть реализована в основном при помощи созданного им совершенного языка. Зверь-афазик с одной стороны и тонкий словоохотливый разум – с другой, природа против культуры, врожденное против приобретенного: таким образом, царство живых существ совершенно непроницаемыми границами разделяется на два разных мира. По большому счету, животное низводится до уровня вещи, одной из многих других вещей, становясь предметом обстановки в человеческом интерьере.

В соответствии с этой позицией привязанность к собаке-компаньону вполне логично объясняется тезисом о собаке-иллюзии. Все то, что мы якобы видим в глазах собаки, – по сути, не более чем нарциссическое отражение нашего собственного разума. Приписываемые ей человеческие качества продиктованы нашим одиночеством. На самом же деле за взглядом собаки не кроется ничего, что можно было бы считать более или менее осмысленным и с чем мы могли бы вступать в контакт.

Этология: призрак антропоморфизма

Настолько ли отличаются от вышеизложенных представления о животном, которыми оперирует научная дисциплина, целиком посвященная изучению поведения этого самого животного, а именно этология? В действительности вплоть до недавнего времени и эта дисциплина находилась под властью достаточно механистического восприятия животного, хотя причины такого восприятия были здесь несколько другими. Скажем только, что пугающим призраком, стоящим на пути научных исследований в этологии, был именно антропоморфизм. После нескольких неудачных экспериментов, в особенности одного, проведенного в начале века с лошадью по кличке Ганс, которая – и многие ученые в это действительно поверили – якобы умела считать, большая часть этологов видит в антропоморфизме ошибочный способ интерпретации, к которому охотно прибегает человеческий разум, лишь только речь заходит о понимании поведения животного. В итоге в этой научной дисциплине сформировался образ отношений человек/животное, во многом схожий с тем, что преобладает в философии и гуманитарных науках, хотя эта тема и занимает периферийное положение в предметной области этологии. По мнению этологов, человек зачастую глубоко заблуждается относительно взаимоотношений, которые складываются у него с животными.

Помимо прочего этология добавляет дополнительный элемент, который дискредитирует интересующую нас тему и относится не к животным вообще, а к особой категории животных, для которых собака может служить своего рода символом: животным домашним. Классическая этология давно исключила домашнее животное из сферы своих интересов, рассматривая его как животное «гуманизированное», другими словами «денатурализованное», слишком отделившееся от своей природной сущности, от того феномена, что представлял бы собой зверь, живи он вдали от человека.

Подведем итог краткому обзору, который должен был в общих чертах обозначить точки зрения, долгое время царившие в мире науки и, шире, человеческого познания в том, что касается отношения к животным вообще и к домашним животным в частности: низведенные философией и гуманитарными науками до уровня вещи, не представляющие научного интереса для большей части этологов, домашние животные становятся жертвой двойного забвения. С одной стороны, не будучи творением рук человеческих, они нисколько не интересуют философов, социологов, антропологов и психологов, которые давно уже выстроили непреодолимые границы между миром человека и миром животных. С другой стороны, рассматриваемые в качестве существ излишне гуманизированных, они обделены и вниманием ученых-этологов, цель которых состоит в том, чтобы при интерпретации поведения животных отсечь черты, предположительно обусловленные контактами с человеком.

Слишком очеловеченные для одних и недостаточно – для других, и в том и в другом случае вывод напрашивается сам собой: наши отношения с животными не более чем иллюзия, и поэтому они вряд ли заслуживают особого внимания. Человек должен жить «настоящей» жизнью и в эмоциональном, и в социальном плане: так, чтобы чувства его были нацелены на объекты, которым «положено» их получать, то есть на других людей; жизнью, где «нет места заблуждениям», жизнью, для которой «он создан». Оставаясь в плену своих иллюзий, человек испытывает чувства искаженные, замещенные и лишённые истинного содержания, чувства, искусственно направленные на ничего не значащий предмет, будь то предмет одушевленный или нет.

Связь, древняя как мир

И все-таки уже при первом приближении становится очевидной зыбкость аргументов такого объяснения наших взаимоотношений с животными вообще и с собаками в частности. Начать с того, что эмоциональную близость с собаками нельзя считать феноменом, присущим только лишь современному индустриальному обществу. Известный тому пример – один из многих других – поэт лорд Байрон: безутешно скорбящий после смерти своего ньюфаундленда, он без тени сомнения пишет эпитафию на могилу собаки:

Здесь погребены останки того,
кто обладал красотой без тщеславия,
силой без наглости,
храбростью без жестокости
и всеми добродетелями человека без его пороков.
Эта похвала могла бы стать ничего не значащей лестью,
будь она над прахом человека,
но она – справедливая дань памяти
Ботсвена, собаки...⁴

Погружаясь в глубь веков, пересекая страны и моря, мы всегда и всюду находим собаку. Одним из наиболее ярких примеров может служить тот факт, что у племен североамериканских индейцев единственным одомашненным животным, существовавшим в тесном контакте с человеком, была собака. До прихода европейцев индейцы не занимались скотоводством, не разводили лошадей и не ездили верхом, а мясо добывали охотой. Однако многие племена уже тогда держали собак (Delage, 2005). Не менее удивительными представляются археологические находки скульптур собак, относящиеся к древнейшим в мире человеческим сообществам, таким как доколумбовы цивилизации Южной Америки или первобытные племена в Европе. Существование подобных артефактов свидетельствует об исключительно древней природе эмоциональной связи, которая связывает некоторых представителей нашего вида с этим животным. Историческая глубина осознания этой связи находит свое отражение в мифологии: первым, кто узнал Одиссея, вернувшегося с Троянской войны, был его пес Аргус.

Иными словами, – и мы еще не раз сможем в этом убедиться, – не будет преувеличением сказать, что взаимодействие человека с собакой – это действительно трансисторический и транскультурный феномен. *Canis familiaris* можно найти практически во всех человеческих обществах начиная с доисторических времен. Вряд ли какое-либо другое животное могло бы похвастаться тем же. Не следует ли из этого, что собака для нас животное совершенно особое, во многих отношениях отличающееся ото всех прочих? Антропология настаивает на глубоких различиях между человеческими сообществами, особо подчеркивая, что общие для всех культурных и исторических формаций феномены встречаются крайне редко. Тем более странно – и это лучше всего подтверждается созданной ею же глубокой пропастью между человеком и животным, – что и по сей день эта наука ничуть не заинтересовалась природой той непонятной связи, которая объединяет *Homo sapiens sapiens* с собакой. В конечном счете, настолько ли абсурдны попытки увидеть в этом явлении отличительную черту любого человеческого общества, во всяком случае некую его особенность, приоткрывающую важные, хотя и скрытые аспекты нашей природы? Почему бы не рассматривать присутствие собаки рядом с человеком

⁴ Впервые – сб. «Подражания и переводы», 1809. (Прим. пер.)

как общий для всех культур феномен, настолько же универсальный, насколько универсальными признаны такие их качества, как, например, социальное расслоение, разделение труда или запрет на инцест? И уж во всяком случае, приведенные здесь аргументы опровергают большую часть положений, на которых базируется тезис о собаке-иллюзии.

Неужели они настолько умны, чтобы нас одурачить?

Есть и другие обстоятельства, способные поставить под сомнение тезис о собаке-иллюзии. Если принять этот тезис за точку отсчета, то необычайную популярность, которой пользуется среди людей собака, пришлось бы объяснять не какими-то особыми качествами нашего четвероногого друга, а исключительно нашим же собственным безудержным стремлением проецировать свои мысли и чувства на самые разнообразные вещи. Но почему в подобном случае у человека не возникает желания приласкать камень, водоросли, ястреба, паука, акулу или змею – так, как он ласкает собаку? Почему он не разговаривает с ними так же, как с собакой? Вероятно, потому, что между человеком и *Canis familiaris* происходит нечто особенное, то, что связано с природой самой собаки, а не только лишь с нашим стремлением приписывать чувства и разумное поведение всему, что нас окружает.

Можно было бы возразить, что немалое количество людей испытывает симпатию к паукам-птицеедам или питонам. Действительно, в так называемых первобытных обществах, равно как и в обществах современных – особенно с развитием идей Нового времени, – не так уж редко люди адресуют свои чувства растениям, горам или морю. Точно так же человек может разговаривать со своим компьютером, сердиться на него, ругать его за то, что тот «никогда не работает», иногда даже плакать, когда он вдруг сломается. Мы можем заплакать, если разбивается вещь, принадлежащая близкому человеку.

Но подобное поведение все-таки отличается от наших взаимоотношений с собакой. Вещи, принадлежащие близким людям, или предметы, воспринимаемые нами в качестве их олицетворения, на самом деле, в отличие от собаки, представляют собой своего рода вместилища для наших чувств, адресованных этим людям – отсутствующим здесь и сейчас или навсегда нас покинувшим. Анимистические воззрения, как правило, близко связаны с культами предков или верой в метемпсихоз. Когда же разговаривают с собакой, обращаются именно к ней. И когда оплакивают собаку, скорбят именно по ней, а не по человеку, образ которого проецируют на эту собаку. Точно так же можно предположить, что слова, брошенные компьютеру, по природе своей отличны от тех, что мы адресуем собаке, хотя бы потому, что мы знаем о существовании инженеров и программистов, которые трудились над созданием этой машины, употребляя при этом человеческий язык, и что машина эта задумана специально для того, чтобы мы ею пользовались. И даже если мы всего этого не осознаем в тот момент, когда начинаем разговаривать с компьютером, сам факт обладания подобной информацией, по идее, должен в какой-то степени определять нашу манеру общения с этим предметом. Если отдельные люди способны заплакать по поводу сломавшегося компьютера или разбитого автомобиля, то, вероятнее всего, в данный конкретный момент ими движет досада, а не печаль: они расстроены потерей принадлежащей им вещи, а вовсе не тем, что испытывают сочувствие к ее страданиям. Одним словом, повреждение вещи вызывает у нас эгоистическое чувство собственности, а не альтруистическое чувство сострадания.

Конечно, представленная здесь картина выглядит несколько упрощенно, поэтому хотелось бы оговорить некоторые нюансы. Несомненно, отдельные люди испытывают смешанные чувства, в которых сострадание неотделимо от чувства собственности. Мореплаватели-одиночки, например, настолько отождествляют себя со своей лодкой, что, когда говорят о ней, у собеседника может возникнуть ощущение особых отношений, личных и антропоморфических, существующих между капитаном и его кораблем. Разумеется, чаще всего речь идет об особых случаях, связанных с необычными обстоятельствами или особенным складом мышления. И все-таки нельзя исключить, что со временем те или иные механизмы достигнут такой степени совершенства, что смогут вызывать у человека чувство эмпатии, действительно

направленное на них самих и очень близкое к тому, что мы испытываем по отношению к людям или животным⁵.

Однако – и это важный момент – сама по себе возможность существования таких машин никоим образом не ставит под сомнение приведенную здесь аргументацию, направленную против модели собаки-иллюзии, а не собаки-машины или, в более общем плане, животного-машины. Защитники гипотезы о субъектности животного часто выстраивают свою аргументацию отталкиваясь именно от второй модели. В этом случае доказательство того, что живое существо является субъектом, сводится для них к обозначению свойств, отличающих его от артефактов, созданных руками человека. Какое бы широкое распространение ни получила эта стратегия, она представляется неоправданно затратной и неповоротливой. К тому же часто бьет мимо цели. Она не только полностью сконцентрирована на доказательствах невозможности существования каких бы то ни было социальных взаимоотношений с машиной, но и не признает никаких других аргументов в пользу наличия у животного субъектности, кроме перечня черт, отличающих его от машины, то есть качеств, присущих животному и отсутствующих у механических артефактов. Множества интерпретационных ограничений и труднодоказуемых положений легко можно было бы избежать, просто сосредоточившись на объекте изучения – в данном случае собаке – и на его качествах, отказавшись от сравнения этого объекта с машиной, априори рассматриваемой в качестве контрмодели. Одним словом, для того чтобы доказать, что собака обладает некими формами субъектности, не обязательно демонстрировать, насколько она отличается от машины, полностью таких качеств лишенной. В конце концов, тезис о машине-иллюзии ничуть не более убедителен, чем тезис о собаке-иллюзии.

Таким образом, фундаментальная ошибка гипотезы о собаке-иллюзии кроется вовсе не в сопоставлении животного с машиной, которым часто оперируют защитники теории о субъектности животных. Все гораздо проще: основное заблуждение напрямую связано с тем фактом, что данная теория опирается на представление о животном как о существе, лишенном какой бы то ни было субъектности и представляющем собой лишь своего рода экран для наших иллюзорных проекций. Подобное предубеждение не дает ответа на вопрос о том, почему именно это животное или эта машина, а не какие-либо другие привлекают внимание значительной части людей. И самое главное, по какой такой причине из всего множества живых существ именно собака обладает для нас притягательностью настолько неизменной, что данный факт можно считать транскультурным и трансгисторическим феноменом?

⁵ Идея, обыгранная в особенно волнующих и пронзительных сценах таких фильмов, как «Бегущий по лезвию» («Blade Runner»), «Чужой» («Alien») или «Искусственный разум» («Artificial Intelligence»). Возможно, уже сейчас можно говорить о возникновении подобного чувства в отношении Тамагочи, представляющих собой своего рода «собак-роботов».

Открыты новые горизонты

В последние несколько лет завеса, скрывающая эту тайну, начала приоткрываться. Недавние открытия этологии, части гуманитарных наук и философии, связанные с развитием эволюционной биологии, позволили по-новому взглянуть на проблему и дать весьма убедительные, хотя и неожиданные ответы на многие вопросы, касающиеся взаимоотношений человека и собаки. В частности, недавние исследования, предпринятые в области таких научных дисциплин, как когнитивистика, философия сознания, неodarвиновская этология и антропология, все дальше и дальше отступающая от догмы строгого противопоставления природы и культуры, значительно изменили модели, объясняющие социальное поведение животных, и заметно обогатили фактические знания в этой сфере. Кроме того, развитие нескольких научных центров, особенно центра, которым руководит психолог и приматолог Майкл Томаселло в Институте Макса Планка в Лейпциге, и исследовательской группы этолога Адама Миклоши в будапештском Университете Этвёша, позволяет говорить о появлении самостоятельного раздела этологии – этологии собак.

Вплоть до недавнего времени единственными специалистами, занимающимися изучением поведения собак и их взаимоотношений с человеком, оставались ветеринары. Сегодня их усилия и их узкопрактические знания в области психологии собак находят применение в новом междисциплинарном научном направлении. Они уже пожинают первые плоды такого сотрудничества и могут предложить своим четвероногим пациентам и их владельцам новые возможности для решения возникающих проблем. С другой стороны, междисциплинарные исследования в этой сфере, которую гуманитарные науки и философия зачастую не воспринимают всерьез, становятся исключительно плодотворными для каждой из дисциплин, готовых признать правомерность такого подхода. Мы сможем убедиться, что междисциплинарный подход к проблеме разбивает вдребезги многие казавшиеся несокрушимыми догмы, в особенности идею о непреодолимости границ между человеком и животным.

И еще один момент, на котором хотелось бы остановиться, прежде чем перейти собственно к результатам недавних исследований и следующим за ними выводам: вероятно, некоторые читатели сочтут, что отстраненный научный⁶ взгляд на предмет исследований, нейтральный и холодный, не позволяет отразить с абсолютной точностью все оттенки и истинную силу той особой связи, которая существует между ними и их собакой. Возможно, в чем-то они правы. Не рискуем ли мы разрушить удивительное очарование этой связи в попытках объяснить ее с научной точки зрения и тем самым не лишаем ли себя возможности постичь ее суть? Однако мы сможем убедиться в том, что наука откроет перед нами целый мир, подчас неожиданный и обескураживающий, понимание которого способно еще сильнее сблизить нас с собакой: оно позволит нам признать свои ошибки в трактовке ее поведения, порожденные нашими антропоцентрическими наклонностями, первыми жертвами которых становятся сами собаки. Мы сможем понять, что нужно уважать собаку такой, какая она есть, а не такой, какой мы хотели бы ее видеть.

Прежде всего, было бы ошибкой полагать, что научная точность в этой области означает холодный объективный взгляд и строгое соблюдение дистанции по отношению к животному. Несостоятельность научных моделей бихевиористского типа наглядно демонстрирует,

⁶ Речь идет, прежде всего, о таких науках, как этология, ветеринарные дисциплины, изучающие поведение, эволюционная биология и гуманитарные науки. Современные исследования, касающиеся собак, предпринимаяемые в рамках этих научных дисциплин, базируются в основном на фактологических наблюдениях. Они не имеют никакого отношения к тому, что называется «экспериментальными исследованиями животных», при которых используются иные методы и преследуются иные цели, направленные на изучение некоторых физиологических механизмов или биохимических реакций в организме животного, а не собственно его поведения.

что подобный подход приводит к серьезным ошибкам интерпретации. Дело в том, что, как ни парадоксально, для понимания собак необходимо признать существование эмоциональной связи между ними и нами, чтобы тем или иным образом учитывать это при проведении исследований. Одним словом, необходимо признать существование одной из форм субъектности у животного, изучение которой требует методов и моделей, присущих скорее гуманитарным наукам, чем естественным.

И все же, есть ли у любителей собак основания полагать, что их четвероногий друг имеет разум, схожий с нашим, что они могут добиться полного взаимопонимания с собакой, что она дословно понимает все, что ей говорят, что она обладает сложной психологической организацией и способна испытывать в высшей степени «человеческие» чувства, такие как ревность или мстительность? Мы увидим, что на самом деле отношения человек/собака амбивалентны и часто осложнены недопониманием и разного рода недоразумениями. Но разве не то же самое можно сказать о любых отношениях, во всяком случае отношениях между людьми во всей их сложности и полноте?

Глава 1

Откуда они пришли?

Эволюционное происхождение собак

Быть может, поклонники кошек, настоящих соперниц собак-компаньонов, будут удивлены – или же увидят для себя еще один повод отдать должное всем известной независимости своих любимиц, – но на протяжении истории человеческого рода присутствие кошки в наших домах – это не более чем забавный эпизод по сравнению с присутствием собаки. Конечно, кошка в доме – явление вполне привычное, и она вызывает у своих хозяев самые пылкие чувства. Тем не менее этот маленький оппортунист обосновался в наших домах почти случайно, не слишком прочно и относительно недавно по сравнению с собакой. И в этом нет ничего удивительного, тем более для такого благородного и гордого животного, как кошка, поскольку в том, что касается близости к человеку, ни одно из живых существ не сможет соперничать с *Canis familiaris*. С момента появления человека ни один биологический вид не был связан с нами настолько тесно и безоговорочно, как собака⁷.

⁷ Если, конечно, не принимать во внимание такие микроскопические виды, как, например, разного рода бактерии.

Между человеком и волком

Эволюционное происхождение собак вплоть до недавнего времени было предметом оживленных дискуссий. На сегодняшний день установлено, что собаки выделились из популяций псовых, похожих на современных волков. Эти популяции, будучи общими предками и собак, и волков, разделились на две большие ветви: с одной стороны оказались те, которые привели к появлению нашего верного друга, *Canis familiaris*; с другой – предки его дикого кузена, волка. Подобное разделение произошло благодаря контактам животных с человеком. Собаки отделились от волков в результате процесса доместикации, или одомашнивания, которому эволюционная биология дает следующее определение: механизм «адаптации популяций животных к человеку и условиям жизни в неволе посредством генетических изменений» (Price, 1984, цит. по: Miklósi, 2007, p. 95). Таким образом, собака представляет собой не просто вид прирученный, то есть дикий вид, лишь адаптированный к потребностям человека вследствие дрессировки и привыкания и не претерпевший при этом каких-либо значительных генетических изменений. Напротив, этот вид приобрел новые биологические характеристики, обусловленные его контактом с человеком. Иными словами, адаптация к человеку изменила саму природу собаки. Таким образом, эволюция собаки не может рассматриваться вне зависимости от эволюции человека.

Современной науке известно множество фактов, подтверждающих эту теорию. Во-первых, ископаемые останки собаки и географически, и хронологически в значительной степени связаны с волной расселения человека, которая, зародившись в Африке, впоследствии захлестнула Европу, Азию, а затем и Америку. Во-вторых, в отличие от волка, вида плотоядного, собака, подобно человеку, всеядна, то есть речь идет об адаптации этого животного к пищевым ресурсам, которые человек потребляет сам и предоставляет собаке. Еще одна деталь, может быть еще более показательная, свидетельствует о существовании не только физической, но и некой духовной связи между человеком и собакой: самые древние из найденных на сегодняшний день ископаемых останков собаки в большинстве случаев были захоронены человеком намеренно. Более того, с ископаемыми останками предка собаки, у которых наблюдаются первые признаки отличия от волка, связаны находки следов погребальных ритуалов, посвященных... собакам (Morey, 2006). Справедливости ради нужно сказать о существовании многочисленных свидетельств гораздо более бесцеремонного отношения древнего человека к собаке: зачастую собаки служили человеку не чем иным, как источником пищи. И тем не менее погребальный обряд остается данью уважения, которое человек редко демонстрировал по отношению к какому-либо другому животному. Животные, в том числе домашние, нечасто удостоиваются собственных могил. И собака здесь явное исключение. В антропологии появление традиции закапывать мертвых обычно считают одним из признаков зарождения человеческого рода. И если это действительно так, следует признать, что наши примитивные предки испытывали настоящую духовную привязанность к своим четвероногим друзьям.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.